

Д. М. Рогозин

Жизнь рядом, или как социологи изучают животных

Введение в рубрику

Дмитрий Михайлович Рогозин — кандидат социологических наук, заведующий Лабораторией полевых исследований РАНХиГС. **Адрес:** Москва, Пречистенская наб., 11, с. 1, ком. 404. **Электронная почта:** rogozin@raneap.ru. **ORCID:** 0000-0001-7879-1111.

Аннотация: Статья представляет собой вводный текст к тематической рубрике, посвящённой социологическому изучению животных и практик сосуществования людей и нечеловеческих видов. Автор прослеживает трансформацию статуса домашних питомцев в современном обществе: от утилитарного и прагматичного отношения к культуре заботы, эмоциональной привязанности и очеловечиванию. Через призму личных автоэтнографических рефлексий и обзорного анализа статей выпуска (касающихся тактик избегания общения при выгуле собак, этических дилемм убийства животных в пищевой и научной практиках, а также опыта релокации с питомцами) исследуется роль животных как значимых акторов, формирующих социальную среду и повседневность. Опираясь на концепты этики заботы (Д. Харауэй, А. Мол, Дж. Ло), автор проблематизирует антропоцентризм, показывает неизбежность моральных компромиссов и утверждает, что полноценное социологическое описание невозможно без учёта «жизни рядом» и включения собственной исследовательской позиции в этическую рефлексию.

Ключевые слова: автоэтнография, антропоцентризм, домашние животные, методология полевых исследований, нечеловеческие акторы, социология животных, человеческо-животные отношения, этика заботы

Для цитирования: Рогозин, Д. М. Жизнь рядом, или как социологи изучают животных. Введение в рубрику // Пути России. 2026. Т. 4. № 3. С. 69–79.

Я вырос в маленьком сибирском городке Абазе на юге Хакасии. Когда мне исполнилось двенадцать, родители подарили мне щенка. Я долго выпрашивал, ждал, и вот свершилось! Помню, как отец послал меня самого идти в семью и выбирать щенка, я пригласил пойти вместе с собой друга. Помню, как я спешил, переходил на бег, как крутил в руках первого вылезшего навстречу щенка, прижимал к себе. Друг попросил подержать его, и щенок тут же его описал. Пушистый комочек радости и любви. Дома обнаружилось, что я выбрал сучку, пушистую, чёрную, с белой манишкой и белыми лапками лайку, голосистую и непоседливую. Так в 12 лет у меня появилась верная подруга, лай, взгляд, покусывания и прыжки которой я отчётливо помню и по прошествии более сорока лет.

Мы жили в небольшом двухэтажном домике на 16 квартир, к каждой был прикреплён огородик. Там отец и поставил будку, где зимой, когда температура опускалась ниже тридцати, дрожала и ждала свою миску с едой моя подруга. Было жалко её до слёз, но даже в голову не приходило запустить собаку в квартиру, хотя бы в коридор, немного погреться. У собак и людей были разные пространства, разные миры. Я не знал никого, кто бы держал собаку дома, хотя, конечно, не исключено, что так было и в те годы, но общее, непроговариваемое мнение было именно таким: человек живёт в доме, собака — в будке, и хорошо, если не на цепи, но для этого требовался вольер. Моя лайка была на цепи.

С тех пор многое изменилось. Теперь собаки живут в квартирах, у них есть свои специализированные врачи, свой корм, свои предметы гигиены. Последнее время всё чаще на улицах крупных городов встретишь прогуливающиеся пары с колясками, специально сделанными для маленьких собачек. Собака не просто очеловечилась, она стала главным членом семьи, диктующим общий распорядок, определяющим логику заботы.

Россия — страна домашних животных. Менее чем на 150 млн. жителей насчитывают около 75 млн. питомцев, 56% семей имеют кошку или собаку [Ipsos, 2023]. Считают, как всегда, по-своему, закрыто, без публичного обсуждения допущений и ошибок. В описании методологии лишь число опрошенных и уверения в научности подхода. Одним словом, как-то считают и как-то округляют, но даже в округлении, домашних животных у нас намного больше, чем в любой из европейских стран, стилю жизни которых мы неизменно пытаемся подражать. Изучая людей, невозможно пройти мимо животных, их окружающих, формирующих мир, мировоззрение, мироощущение человека. Как городская среда постепенно вытесняет сельскую, а стремление к комфорту — борьбу за существование, так и функциональное, прагматичное представление о домашних животных уступает место культуре заботы и ухода. Рядовому горожанину животные нужны не для пропитания, перемещения или безопасности, а для положительных эмоций, антистресса и преодоления одиночества.

Домашние животные не перестали быть помощниками, но их помощь сильно трансформировалась. Трансформировались и особенности заботы о питомцах, увеличились траты, обозначились границы новой близости с младшими и зависимыми. Домашние питомцы всегда больше какого бы то ни было функционала, потому не менее дороги больные, немощные и неуклюжие, раз и навсегда ставшие членами семьи или вовсе образовавшие семью. Разговоры и научные выкладки о тотальной коммодификации, камуфляжности заботы о питомцах за ширмой товарно-денежных отношений (см., например: [Nibert, 2013]) относятся к традиционной леворадикальной критике современного общества потребления. И хотя всё можно уложить в товарно-денежные схемы, любой хозяин собаки или кошки навряд ли согласится видеть в своём питомце лишь элемент интерьера, красивую игрушку. Взгляд на питомца как на игрушку выдаёт не хозяина, а временного попутчика, увы, зачастую умножающего армию бездомных животных.

Рассмотрим статьи, представленные в этом номере журнала. Максим Котельников описывает, как признание за своим питомцем моральности существенно ограничивает собственное социальное поведение [Котельников, 2026]. Прогулки с собакой приводят к коммуникативному включению в сообщество собачников, создают среду для естественной и казалось бы непринужденной коммуникации. В то время как социологи ищут повода для обращения к другому, кто-то другой, имеющий собаку, ищет и поводы, и средства избежать любого общения. Не только отсутствие интереса к разговору, но и неприятие других собачников с одновременным желанием не выходить за рамки вежливого поведения подталкивает на поиск приёмов уклонения от возникающих разговоров.

Как отмечает М. П. Котельников, выгул собаки — это не только забота о питомце, но и специфический тест на личное восприятие социальной уязвимости. Автор дистанцируется от психологизаторских трактовок, фиксируя онтологический статус нежелания контакта: «Причины того, почему я не хотел вступать во взаимодействие с собачниками, не являются предметом обсуждения данной работы. Здесь важно зафиксировать сам факт того, что мне было некомфортно, и я был вынужден мириться с этим социальным страданием» [Котельников, 2026, с. 81]. Подобный эпистемологический сдвиг позволяет перевести фокус с интроверсии как личностной черты на тактики избегания вынужденного соприсутствия, которое невольно иницирует питомец.

Проблематизация жизни собачников, предложенная в статье, разрушает романтический миф о спонтанном сообществе «любителей животных», обнажая напряжение в номинальной социальной группе. Практика выгула оказывается зоной принудительной социализации, где сталкиваются разнородные ожидания: если одни

участники склонны к общению, другие — разрабатывают приёмы избегания, формируя невидимую субкультуру. «В какой-то момент я задумался о том: насколько распространена подобная ситуация, и как с ней справляются другие собачники, тоже не любящие вести праздные беседы во время прогулок со своими любимцами? Благо, среди моих знакомых было некоторое количество владельцев собак, и я поговорил с ними о том, как проходят их прогулки. Выяснилось, что социальный дискомфорт, с которым я столкнулся, свойственен не только мне: некоторые мои знакомые также сообщили о том, что вынуждены ради блага своих домашних любимцев пребывать в социальных группах, нахождение в которых для них, мягко говоря, не было желаемым» [Котельников, 2026, с. 81].

Микросоциология этих тактик избегания достигает особой выразительности в описании триггеров, запускающих механизм социального дискомфорта. Часто источником напряжения становятся не глобальные конфликты, а банальные, почти бытовые детали, такие как вынужденное соседство с «женщиной намного старше <...> которая мне не очень приятна» [Котельников, 2026, с. 83]. Получается, что домашний питомец становится значимым субъектом, способствующим взаимодействию с пространственно близкими, но социально абсолютно чуждыми людьми. Потому перечисленные способы избегания общения могут быть переосмыслены в качестве своих противоположностей, становясь шпаргалкой для полевого интервьюера. Уместные комментарии действий чужой собаки, физическое присутствие в месте прогулки, отказ от гаджетов и привычка к более развернутым, но не затянутым высказываниям могут способствовать установлению отношений, необходимых для проведения социального исследования.

Вернусь ненадолго в своё детство. В небольшом советском городке, население которого, по сути, ведёт сельский образ жизни, дети участвуют не только в уходе, но и в убийстве животных. У нас были свиньи, курицы, в семье друга держали кроликов, корову и бычков. Считалось нормой подавить жалость и помочь в убийстве: держать или самому резать. Не забуду случай, когда помогал отцу забить и разделать свинью. Мне было лет четырнадцать. Мы свалили её на сделанный из досок настил, животное пыталось вырваться, чувствуя смерть, но я придавил его всем телом. Отец привычным движением резко всадил нож по самую рукоять. Он провернул лезвие внутри, чтобы рассечь сердце и открыть кровоток, но в этот раз раздался неестественный, сухой щелчок металла. Лезвие сломалось. В руках у отца осталась лишь рукоятка. «Держи крепче и не отпускай», — бросил он и ушёл искать другой нож в сарай. Вернулся быстро, но те минуты, пока его не было, длились вечность.

Самое невыносимое и запоминающееся в убийстве животных — глаза, молящие и всё понимающие. От этого взгляда невозможно

избавиться через годы. Однако последующая разделка туши, рассматривание строения органов, полностью меняло ситуацию. Твой друг, которого ты кормил, с которым играл, мгновенно переставал быть другом, а становился тушей, продуктом питания. Меня тогда поразила этот переход, он вызывает удивление и сейчас.

Утилитарность убийства животных ради пищи схожа с убийством ради научного эксперимента, о чём ведёт речь Елизавета Чашцевая. В обеих практиках происходит радикальное устранение субъектности живого существа через процесс декомпозиции и символического перевода тела в ресурс. Как пишет Е.О. Чашцевая, «полностью отделив убийство коровы на ферме или комбинате от сепарированного куска мяса без шерсти и костей на прилавке магазина, из восприятия покупателей устранили как таковой образ живого животного, предшествовавшего „куску мяса“» [Чашцевая, 2026, с. 100]. Эта логика полностью созвучна лабораторной практике, где «тело лабораторного животного необходимо декомпозировать и перевести в культурный артефакт, точно так же, как это происходит с телами животных на скотобойне» [Чашцевая, 2026, с. 102]. Обе системы строятся на фундаментальном механизме, который Жорж Батай называет «определением зверя как вещи»: «Собственно, смысл приготовления мяса по своей сути состоит не в гастрономических изысках: прежде всего он в том, что человек ничего не ест, не сделав это предварительно объектом» [Батай, 2006, с. 66; цит. по Чашцевая, 2026, с. 101]. Здесь убийство становится не актом насилия, а ритуалом трансформации, при котором живое существо превращается в ресурс, чья смерть легитимизируется в рамках производственной логики. Само слово «убийство» представляется неуместным. Так не говорят. Люди либо вовсе избегают подобного оборота, либо заменяют его словами «забить», «заколоть», «приготовить мясо».

Убийство животного ради пищи или научного эксперимента полезно и оправдано и не подлежит какой-либо проблематизации. Этическое напряжение обнаруживается лишь во время сбоев, когда по каким-то причинам переход в восприятии животного как субъекта к ресурсу затягивается. В эти мгновения ощущаешь уязвимость утилитарной логики, невозможность ей следовать, не подавив в себе, не отказавшись от естественных чувств привязанности, любви и сопереживания.

Сбои, поломки, разочарования есть, пожалуй, основа исследовательской оптики для столь сложного этического поля, как жизнь домашних животных. Об этом ярко и полемично рассказывается в статье Софьи Лопатко и Петра Иванова. Авторы утверждают, что заходили в поле с ожиданием сенсации. Им представлялись «некогерентные и плохо работающие бюрократические машины, ремонт поломанной коммуникации, ухищрения, на которые идут люди, чтобы реализовать казалось бы простой процесс, мёртоновская дисфункция

бюрократии в полный рост» [Лопатко, Иванов, 2026, с. 120]. Казалось бы, тема релокации с питомцами после февраля 2022 года просто обаяна была выдать драматичные истории о преодолении системных сбоев.

Но реальность оказалась обескураживающе прозаичной. Релоканты читали правила в интернете, чипировали животных, делали прививки, получали титры и переезжали. Никаких серых схем, никакого правового нигилизма: «Впервые в истории исследования российских легальных норм мы нашли такие, которым следуют неукоснительно все участники правовых отношений» [Лопатко, Иванов, 2026, с. 123]. И в этой прозе сокрыт наиболее любопытный социальный факт — тотальное следование норме без каких-либо попыток отклонения или переопределения последней.

Ещё большее разочарование ждало их в вопросе социальной интеграции. Выяснилось, что питомцы не помогают релокантам вливаться в новое общество — просто потому что релоканты этого не хотят (см. выше: [Котельников, 2026, с. 81]). «Наши собеседники по большому счёту не заинтересованы в социальной интеграции. Да, им важно получить вид на жительство, гражданство, разрешение на работу. Но вовсе не для того, чтобы взаимодействовать с гражданами принимающей страны» [Лопатко, Иванов, 2026, с. 120]. Они живут в русскоязычных диаспорах, работают на российский или международный рынок, общаются в релокантских чатах. Более того, в ходе исследования авторы с удивлением осознали, что потеряли из виду самих животных. Питомец превратился в «самоходный багаж с особыми условиями перевозки». С животным проделывают привычные манипуляции, но где здесь его агентность? «Питомца прививают, чипируют, худеют, засовывают в переноску, везут. Сам он ничего не делает» [Лопатко, Иванов, 2026, с. 121].

Методологическая неудача, которой посвящена статья, указывает на немалый теоретический потенциал наблюдения за животными, их хозяевами и за собой как исследовательской группой с набором предустановленных стереотипов, по привычке трансформированных в гипотезы.

Статья С. Лопатко и П. Иванова может быть прочитана в перспективе критической теории, согласно которой постепенно стала доминировать глубокая инфантилизация и очеловечивание питомцев. Домашние животные всё чаще наделяются статусом детей, а забота о них имитирует родительство. Исследователи взаимодействия людей и животных, такие как Арнольд Арлюке и Клинтон Сандерс, отмечают, что включение питомца в семью на правах ребёнка кардинально меняет моральную экономику домохозяйства [Arluke, Sanders, 1996]. Это повышает эмпатию и готовность тратить ресурсы на ветеринарию, страховку и «развивающие» игры. Но такая любовь к питомцам глубоко антропоцентрична и нарциссична. Животное любят не за

его видовую специфику, а за способность быть удобным суррогатом ребенка или партнёра, не требующим сложной эмоциональной отдачи. Как указывает Донна Харауэй в своём «Манифесте о биологических видах-компаньонах» человека, близость с домашними животными всегда асимметрична: человек диктует правила игры, а животное вынуждено адаптироваться к роли вечного младенца, что лишает его агентности и естественных поведенческих паттернов [Haraaway, 2003]. Животное становится «зеркалом», в котором горожанин видит свою собственную заботливость, а не самостоятельным субъектом. Но статью можно прочесть и иначе: без торопливых обобщений и подстройки под доминирующий на Западе научный дискурс, не через критику участников исследования и анализируемую социальную группу, а через себя.

Я учился в университете в другом городе за шестьсот километров от дома и очень скучал. Ждал окончания сессий, использовал любые возможности, чтобы приехать домой. На втором или третьем курсе я приехал домой во время учёбы, планировал побыть несколько дней. На пороге дома встретил отца. Он обрадованно протянул нож: «Ты как раз вовремя. Поможешь свинью заколоть». Не заходя домой, я развернулся и уехал. В то время я был увлечён вегетарианством, и подобное предложение стало для меня неприемлемым.

Я тогда не осуждал родителей, не пытался что-то доказать, но лично не мог участвовать в убийстве животных, хотя имел немалый опыт и был бы вполне сносным помощником. Когда социолог говорит, что не любит собачников, ставит под сомнение этичность научных экспериментов, иронизирует над результатами собственного исследования, это не значит, что он кого-то осуждает или от чего-то отрицается, отрицая чью-либо практику, в том числе собственную. Исследовательская этика строится на оценке своих действий, планов, убеждений. Мир других изменяют политики, проповедники или общественные деятели. Исследование — это акт удивления и проблематизации, зачастую сопутствующий разочарованию и сомнению в собственной правоте, выбранном инструментарии, найденных аргументах. Исследование — это радикальное сомнение в себе, автоэтнографическое описание которого и составляет основу практики письма.

Исследование — это также принятие на себя ответственности за каждый выбор в ситуациях, где невозможны морально безупречные решения. В своей книге «Оставаясь со смутой. Заводить сородичей в Хтулуцене» уже упомянутая ранее Харауэй рассуждает, какой могла бы быть этика в мире, в котором, тесно переплетаясь и запутавшись, сосуществуют человеческие и нечеловеческие виды, и не просто соседствуют, но становятся «сородичами» [Харауэй, 2020]. В автоэтнографической главе с интригующим и несколько шокирующим названием «Омытые мочой DES и Премарин в многовидовой способности-к-ответу» философ, конструируя киборга из своей стареющей

стерилизованной собаки, беременных кобыл, женщин, вступивших в менопаузу (включая саму Харауэй), «дочерей DES» (DES — диэтилбестерол, нестероидный синтетический эстроген) и других действующих лиц, описывает потенциальную практику заботы и ответа посредством «многовидового мирения на раненой Терре» [Харауэй, 2020, с. 140]. Харауэй обнаруживает, что есть то, что роднит её со своей собакой, — необходимость гормональной терапии для избежания утечек мочи. Она осознаёт, что за несколько капель эстрогена «приходится расплачиваться многими валютами жизни и умирания» [Харауэй, 2020, с. 141]: в частности, история применения эстрогена DES — история забоя домашнего скота, человеческих жертв, разрушения целых экосистем. Харауэй признает: «... я даю моей собаке синтетический эстроген с ужасной человеческой и бычьей историей, ради того чтобы контролировать её недержание, ради её сердца и её содержания дома» [Харауэй, 2020, с. 147–148]. Она горько рассуждает и о своём опыте приёма натурального эстрогена, Премарина, когда она не знала или не желала знать об условиях его производства. Эти эстрогены выделяли из конской мочи, месяцами держа лошадей в стойлах с подсоединёнными к ним мочесборниками. Сейчас проведённые благодаря зоозащитникам реформы несколько улучшили жизнь лошадей, но в большинстве случаев фермеры просто не в состоянии внедрить дорогостоящие изменения. Узнав, она испытала стыд от своей неосведомлённости, но именно стыд, как пишет Харауэй, «побуждает к пожизненному переосмыслению и переработке ответственности!» [Харауэй, 2020, с. 147], а благодаря актуализированному или новообретённому знанию «тренируется мышца, необходимая для заботы о благополучии» [Харауэй, 2020, с. 153].

Аннмари Мол в книге *Eating in Theory* также проблематизирует оценку принимаемых нами решений: невозможно однозначно маркировать какое-либо действие как исключительно хорошее или исключительно плохое — ощущение моральной правоты обманчиво и иллюзорно [Mol, 2021, p. 99]. Однако это не избавляет нас от ответственности, а налагает дополнительные обязательства тщательного расследования возможных последствий наших действий, готовность пробовать, ошибаться и пробовать снова, что требует разработки новой этики «без утешительных опор», с полным осознанием того, что каждый поступок имеет разные последствия [Mol, 2021, p. 101]. Мол размышляет о том, что и кого мы едим, что и кого есть оправданно и с какой точки зрения, и, демонстрируя множество неоднозначностей в возможных ответах на эти вопросы, смещает фокус на иную задачу — сложный поиск компромиссов посредством постоянной рефлексии и беспрестанных переговоров между человеческими и нечеловеческими акторами [Mol, 2021, p. 137].

В некоторых случаях даже, на первый взгляд, такое аморальное действие, как убийство животного, может обнаружить неожиданную

глубину и быть пронизано отношениями заботы. В сборнике «Забота в практике» Джон Ло выбирает в качестве иллюстрации убийства «с заботой» историю про забой здорового скота из-за заражённой ящуром скотины на соседней ферме. Забота являет себя в том, как ветеринар ласково говорит с телёнком, чтобы успокоить его; в том, что используют перед забоем седативные препараты чтобы обеспечить мирную, «лёгкую» смерть; в том, что этой забой совершается с целью защитить и соседей, и всю страну от распространения болезни; в том, что увозят детей и телят, чтобы они не видели забой коров [Law, 2010, p. 58–68]. Забота оказывается сложной «экспериментальной хореографией сборки и разделения различных и относительно несовместимых версий заботы» [Law, 2010, с. 68].

Мир домашних и не только домашних животных — это не дополнительная опция для человека, не внешний мир. Это мир живых, отрицание или игнорирование которого существенно обедняет объяснение социального в человеческих сообществах. Потому мы открываем новую рубрику в журнале и призываем исследователей расширить границы обозреваемого социального мира и объяснительных схем. Присылайте свои работы и не забывайте включать себя в методические описания. Методология без автоэтнографии мертва.

Литература

1. Котельников, М.П. Соприсутствие без коммуникации: тактики избегания речевого взаимодействия с собаками во время выгула собаки // Пути России. 2026. Т. 4. № 3. С. 80–95.
2. Лопатко, С.А., Иванов, П.В. Исследование 404: что мы узнали о себе, науке и антропологической методологии, изучая релокантов // Пути России. 2026. Т. 4. № 3. С. 115–133.
3. Харауэй, Д. Оставаясь со смутой: Заводить сородичей в Хтулуцене / Пер. с англ. А.А. Писарева, Д.Я. Хамис, П.А. Хановой. Пермь: Гиле Пресс, 2020.
4. Чашева, Е.О. Между инструментом и жертвой: лабораторное животное в биомедицинском дискурсе // Пути России. 2026. Т. 4. № 3. С. 96–114.
5. Arluke, A., Sanders, C.R. Regarding animals. Philadelphia: Temple University Press, 1996.
6. Haraway, D.J. The companion species manifesto: Dogs, people, and significant otherness. Chicago: Prickly Paradigm Press, 2003.
7. Ipsos. Всероссийская перепись домашних животных 2023. Презентация / Центр изучения питания и благополучия животных. М., 2023. [Электронный ресурс] <https://petcarecenter.ru/docs/vse-rossijskaya_perepis_zhivotnykh_2023> [Дата обращения] 15.06.2026.
8. Law, J. Care and killing: Tensions in veterinary practice // Care in practice: On tinkering in clinics, homes and farms / Ed. By A. Mol, I. Moser, J. Pols. New York: Transcript Verlag, 2010. P. 57–72.
9. Mal, A. Eating in theory. London: Duke University Press, 2021.
10. Nibert, D.A. Animal oppression and human violence: Domestication, capitalism, and global conflict. New York: Columbia University Press, 2013.

Dmitry Rogozin

Living Near Here, or How Sociologists Study Animals

An introduction to the category

Dmitry M. Rogozin — PhD in Sociology, Head of the Field Research Laboratory, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). **Address:** Prechistskaya Embankment 11, bldg. 1, office 404, Moscow, Russia. **Email:** rogozin@raneap.ru. **ORCID:** 0000-0001-7879-1111.

Abstract: This article serves as an introductory text to a special issue dedicated to the sociological study of animals and the practices of human and non-human species coexistence. The author traces the transformation of the status of pets in modern society: from a utilitarian and pragmatic attitude to a culture of care, emotional attachment, and anthropomorphization. Through the lens of personal autoethnographic reflections and a review analysis of the issue's articles (which address tactics of avoiding communication during dog walking, ethical dilemmas of killing animals in food and scientific practices, and the experience of relocating with pets), the role of animals as significant actors shaping the social environment and everyday life is explored. Drawing on multispecies studies theory and the concepts of the ethics of care (D. Haraway, A. Mol, J. Law), the author problematizes anthropocentrism, demonstrates the inevitability of moral compromises, and argues that a comprehensive sociological description is impossible without taking into account «living side by side» and incorporating the researcher's own position into ethical reflection.

Keywords: anthropocentrism, autoethnography, ethics of care, field research methodology, human-animal relations, non-human actors, pets, sociology of animals

For citation: Rogozin, D. (2026) Living near here, or how sociologists study animals. An introduction to the category. *Russia's Directions*. Vol. 4. No. 3. P. 69–79.

Reference

1. Arluke, A., Sanders, C. R. (1996) *Regarding animals*. Philadelphia: Temple University Press.
2. Chashchevaya, E. O. (2026) Between instrument and victim: the laboratory animal in biomedical discourse. *Russia's Directions*. Vol. 4. No. 3. P. 96–114. (In Russian)
3. Haraway, D. (2020) *Staying with the trouble: making kin in the Chthulucene*. Transl. by Russuan. Perm: Gile Press. (In Russian)
4. Haraway, D. J. (2003) *The companion species manifesto: dogs, people, and significant otherness*. Chicago: Prickly Paradigm Press.
5. Ipsos. (2023) *All-Russian census of pets 2023*. Presentation. Moscow: Center for the Study of Animal
6. Kotelnikov, M. P. (2026) Co-presence without communication: tactics of avoiding verbal interaction with dog owners during dog walking. *Russia's Directions*. Vol. 4. No. 3. P. 80–95. (In Russian)

7. Law, J. (2010) Care and killing: tensions in veterinary practice. In: Mol, A., Moser, I., Pols, J. (Eds.), *Care in practice: on tinkering in clinics, homes and farms*. New York: Transcript Verlag. P. 57–72.
8. Lopatko, S. A., Ivanov, P. V. (2026) Study 404: what we learned about ourselves, science, and anthrozoological methodology by studying relocants. *Russia's Directions*. Vol. 4. No. 3. P. 115–133. (In Russian)
9. Mol, A. (2021) *Eating in theory*. London: Duke University Press.
10. Nibert, D. A. (2013) *Animal oppression and human violence: domesecration, capitalism, and global conflict*. New York: Columbia University Press.
11. Nutrition and Welfare. Available at: https://petcarecenter.ru/docs/vserossijskaya_perepis_zhivotnykh_2023 (Accessed: 15.06.2026).